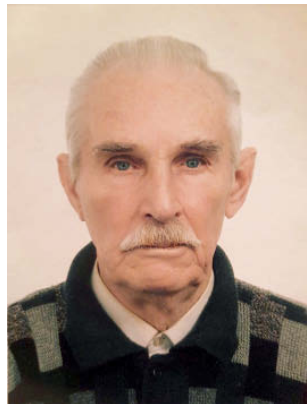

Михаил Турбин

Михаил Леонидович Турбин – родился в 1941 году в Ливнах Орловской области. Служил в армии. В 1968 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, потом учительствовал, работал в правоохранительных органах и в системе пассажирского автомобильного транспорта. Член Союза писателей России с 1996 года. Публиковался в журналах: «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова», «Проза», «Наши Современники», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Роман-газета», «Форум», «Невский альманах» (С.-Петербург), «Новый Енисейский литератор», «Воин России», «Славянин» (Харьков), альманахах «Русское поле» и «Орёл литературный». Автор семи сборников стихов и двух книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды», награждён Золотой Есенинской юбилейной медалью Московской

областной писательской организации. Живёт в Орле.

АРТИСТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Преображался, загадочным человеком делался Зиновий Павлович в день получения пенсии. Выходил из квартиры на лестничную площадку и блаженно вытягивал вверх руки, – тянул их к потолку всем своим долговязым корпусом до тех пор, пока на стене от падающего из окна света не появлялся, по его мнению, «призрак отца Гамлета». Добившись нужного сходства, удовлетворённо бормотал:

– Вижу, вижу, ты уже здесь и ждёшь расплаты за злодеяния...

После чего шёл на базар покупать дешёвые куриные лапки. На переходе останавливался у светофора и громко спрашивал у горожан-пешеходов, какой горит свет, красный или зелёный?

– Слепой, что ль? Видишь, стоим, ждём зелёный! – недовольно говорил кто-нибудь в ответ.

– А вы не сердитесь. Я – дальтоник, мне что ни свет горящий, то Божий, зовущий вперёд, а вы тут как вкопанные стоите, ничего не понимаю...

Темнит Зиновий Павлович, никакой он не дальтоник. Очки обычные, возрастные – плюс три диоптрия. Это утренняя пенсия чуть согрела душу и заговорила она о чём-то своём.

На базаре, в мясной торговой палатке, он внимательно рассматривает куриные лапки, словно драгоценный клад, прежде чем купить и сунуть в авоську. Стоящая за ним в очереди интеллигентного вида старушка не скрывает своего любопытства:

– Вы, извините меня, птичьи ножки берёте для холодца или для супчика?

В мозгах его что-то лихо щёлкнуло, напустил на себя таинственный вид, резко заявил, словно услышал неуместный вопрос:

– Я – вегетарианец!

Продавщица информирует:

– Для кошек и собак тоже берут!

– Нет у меня животных! – уточняет он.

На этот раз сказал чистую правду: никогда не держал в квартире ни кошек, ни собак.

– Позвольте, – волнуется старушка, – я не понимаю цели вашей покупки: если не для еды, то зачем они вам? Извините, конечно, за любопытство...

– Они нужны мне для научных целей. Так сказать, ради познания истины, но объяснять это непосвящённым людям несколько затруднительно, впрочем...

Тут Зиновий Павлович оглядывается, что-то прикидывает в уме.

Ему бы взять авоську и идти за следующей покупкой, скажем за луком, нет же, на глазах превращается в вальяжного учёного мужа со снисходительной улыбкой на лице. Стоит, ждёт, чтобы вокруг него собрались хотя бы пять-шесть слушателей. Потом, словно нехотя, «уступает» просьбам любопытствующих, устраивает короткую импровизированную лекцию:

– Вам, должно быть, известна фамилия советского учёного, знаменитого антрополога, археолога и скульптора Герасимова Михаила Михайловича. Теперь он многими забыт, а в середине прошлого века его знал каждый школьник. Михаил Михайлович активно занимался восстановлением внешнего облика ископаемых людей и некоторых известных исторических личностей по их скелетным останкам. Это, надо сказать, трудная, кропотливая работа, связанная с математическими измерениями и расчётами. Он сумел воссоздать былой внешний облик Ивана Грозного, флотоводца Ушакова, хана Улугбека... Благодаря ему мы знаем, как выглядел, например, мальчик из эпохи неолита. Сегодня Герасимову было бы намного проще производить необходимые расчёты с помощью современной техники, того же компьютера, но – увы, не дожил.

Вы спросите меня: при чём здесь моя покупка? Отвечаю: это же богатейший материал для воссоздания внешнего вида, во всей былой красоте, курицы или петуха! Меня интересуют породы этих птиц. Дело в том, что на кожаном покрове лапок кур имеются неповторимые узоры. Извольте лично взглянуть и убедиться в справедливости моих слов... Видите эти рисочки-насечки? Так вот, их у меня имеется огромная коллекция, собранная за последние пятнадцать лет! Я работаю день и ночь с разными породами куриных лапок, завезёнными к нам со всех уголков мира. Строю компьютерные графики, рассматриваю под микроскопом костяное строение и их кожный рисунок. Анализирую, строю графики, сравниваю, переношу данные на электронный накопитель. Что же получается? Вы думаете, нас кормит исключительно своя, Орловская Нарышкинская птицефабрика? Ошибаетесь, ох как ошибаетесь! На днях я представляю научной общественности нужные материалы. В них – свидетельство о мировом заговоре против России с целью истребления местных пород, хорошо прижившихся в нашей полосе кур. Многие должны заинтересовать следственные органы и паразитологов. Я имею в виду массовый падёж птицы в последние годы. В моём компьютере заложена доказательная база. Я сделаю сенсацию. Мы ещё посмотрим, кому в этом мире быть, а кому не быть!..

Зиновий Павлович не просто на одном дыхании выкладывает это слушателям, нет, по ходу своей импровизированной лекции он, как и положено солидному учёному, глубокомысленно «экает» и «бэкает», и у присутствующих сомнений не возникает – перед ними знаток своего дела, крупный учёный.

Закончив гневно речь, Зиновий Павлович тут же спохватывается и с авоськой величественно покидает изумлённых слушателей. Дальнейшие вопросы ему ни к чему – достаточно произведённого эффекта. И если бы у него спросили, для чего он так убедительно врёт, то не смог бы толком объяснить. Скорее всего, отделался бы шутивным разъяснением: «Удовлетворяю общественный запрос!»

Странности на этом не кончаются. Зиновий Павлович от базара идёт к трамвайной остановке, и, когда переполненный трамвай распахивает двери, он аккуратно стоит, пропуская выходящих пассажиров. И надо же: женщина средних лет, с тяжёлой сумкой, не удерживается на ступеньке. Зиновий Павлович потянул было руки, чтобы помочь ей, но мгновенно передумал, даже посторонился, чтобы она не зацепила его. Женщина падает на асфальт, тут же поднялась с гневным упрёком в его адрес:

– Тоже мне, мужчина называется! Мог бы поддержать...

Конечно, мог бы. Но у него своя логика:

– Извините, я как-то помог такой же женщине, а она мне: «Ишь, воспользовался, обхватил ручищами, жену свою лапай!..»

Возвращаясь с базара и купив по дороге бутылку дешёвого вина, Зиновий Павлович на лестничной площадке своей квартиры вновь пытается на стене изобразить тень отца Гамлета, но свет падает уже с другой стороны, и он сокрушённо бормочет:

– Пусто, пусто, батюшка Гамлета! Нечего делать в этом бессердечном мире. Сходил на базар – улетели десятки рублей. Как жить? Жди, скоро встретимся...

Мало кто знает, что он вегетарианец, но, опять-таки, странный: мясо не ест от пенсии до пенсии, но в день её получения устраивает себе «разгрузочный день», точнее вечер: покупает килограмм куриных лапок и бутылку красного вина. Отваренные лапки охлаждает. Потом грызёт их, запивая вином. Это он называет «скатиться с горки для очистки». Наутро просыпается с опухшим лицом и спешит к холодильнику, чтобы извлечь пакет холодного кефира. Пьёт его, а спустя некоторое время бежит в туалет.

На этом «мясоедство» заканчивается до следующего месяца.

В его двухкомнатной квартире полно книг по радиотехнике и электронике, но он ими не интересуется с тех пор, как завод развалился. К тому времени он уже вышел на пенсию. Как бывший инже-

нер, полгода поработал в образовавшемся акционерном обществе на территории родного завода, но вскоре убедился: никаких новаций у новых хозяев не предвидится, разве что таковыми можно считать всевозможные способы хищения остатков оборудования огромного заводского цеха. Этого он не мог вынести. Ушёл. Старым друзьям так и сказал: «С жуликами мне не по пути!»

Как-то разговорившись со старым заводчанином, Яшей Марковичем, он понял, что половина знакомых евреев давно перебралась на жительство в Израиль. Остальные готовятся туда же, и он советует ему последовать их примеру. Зиновий Павлович, несмотря на то что после смерти жены остался один, – детей у них не было – решительно отказался:

– Да ни в жизнь! Это же насквозь религиозное государство. Какой из меня иудей?

– Остаток жизни проживёшь по-человечески. Мир посмотришь, а не понравится, опять вернёшься, российское гражданство за тобой остаётся. Что тебя здесь удерживает? – удивлялся Маркович.

– Всё! – резанул Зиновий Павлович. – От Брестской земли до Камчатской! Это же мой мир. Я ещё не успел хорошенько посмотреть Урал, почти не был в Сибири – всё больше отдыхал на Кавказе да в Крыму. В короткие командировки ездил на заводы: то в Казахстан, то в Белоруссию...

– Израиль – наша историческая родина. Не чувствуешь зова крови?

– Не чувствую! – честно признался Зиновий Павлович. – Не кочевой я человек – осёдлый. Знаешь, что чувствую?

– Что? – вяло уже поинтересовался Яша.

– Стыд и боль! Какой телеканал ни включу, какую газету ни возьму – всюду я на переднем плане в компании себе подобных. Всех подмял этот я – наглый, напористый, будто один знаю, как надо жить. Задаю себе вопрос: почему я самый-самый умный? И отвечаю, даже не задумываясь: у меня в руках все основные финансовые, экономические и политические рычаги, за исключением военных, где традиционно без меня обходятся, но эти ребята смиренные, привыкшие слушать старших...

– Что ты этим хочешь сказать?

– То же, что и Эдуард Тополь... Ага, вижу по глазам, ты понял, что он имел в виду! Но это он ко мне обращался, а не к вам. Вы люди честные, неимущие, почти гои-изгои, а я к загребушим рукам своим всё прибрал. Мне в России хорошо – я здесь главный!

– Понёс чепуху и бред, словно коммунист ярый. Ты же им никогда не был! И потом, какое нам дело до олигархов с их рычагами власти? Если они ухватились за них, пусть себе управляют, но без нас. Мы не несём ответственности за происходящее в этой стране. Мы хотим жить спокойно, нормально, без политики. Ты всё же подумай о выезде, не лезь в чужие проблемы, решай свои...

Зиновий Павлович пошёл, недоумевая: как это у него с языка слетели слова, которых он Марковичу не собирался произносить? Потом успокоился, говоря себе: «Пусть не зарывается; ещё неизвестно, во что это выльется. Разве я не вижу, как демократическими нитками к русскому туловищу пришивается еврейская голова? Впрочем, голова эта издревле мечтает управлять человечеством... Сколько раз объяснял разным марковичам, что я – Соловьёв – русским себя чувствую – и никем иным!»

Раньше он странным не был. Судьба Зиновия Павловича резко изменилась, когда он попал под влияние Ларисы из бывшего заводского конструкторского бюро. Она, после смерти его жены, не оставляла Зиновия без внимания. И до дома провожала, и в гости заходила, поскольку дружна была с покойницей. Лариса – грудастая холостячка с рыжей причёской и серыми насмешливыми глазами. В молодости часто ходила в турпоходы, а с распадом СССР стала увлекаться спиритизмом, потом учением старца Иванова. Круглый год – по утрам и вечерам – ходила босиком вокруг домов своего микрорайона. Где-нибудь в безлюдном месте останавливалась, вытягивала ладони в сторону солнца и «подкреплялась» его энергией. Летом принимала холодный душ, зимой купалась в проруби с единовверцами. Энергии накопила – хоть отбавляй, а мужчины, как сговорились, – обходили стороной, не брали в жёны, хотя внешне она была не хуже других. Что-то настораживало кандидатов в мужья. Возможно, не ощущали в ней спокойного постоянства. В подтверждение этому, например, ей стало тесно в рамках учения бородатого старца. Прослышала как-то от московских подруг, что появился в Красноярском крае некий проповедник с божественным огнём в груди по имени Виссарий. К нему, говорили они, начали стекаться люди духовного поиска со всей России для совместной жизни в ладу с природой. Едут целыми семьями разных специальностей: от профессоров с учёными степенями до рядовых школьных учителей и библиотекарей. Даже обеспеченные москвичи вдруг начали продавать своё недвижимое имущество и отправляться в таёжную глухомань. Там они принялись возводить

новые жилища, чтобы стать членами общины Церкви Последнего Завета. Не по нраву пришёлся им нынешний торгашеский мир, несущий, по их мнению, гибель человечеству.

Лариса так красочно нарисовала картину новой жизни, что он подумал: «И впрямь страна движется в пропасть. Любопытно было бы взглянуть на этого Виссариона!»

Зиновий Павлович поехал с Ларисой в Москву на встречу с новым мессией. Тот как раз приехал в столицу для очередного разъяснения сути своего учения. Выяснилось вскоре, что к нему трудно попасть, надо ждать очереди. Наконец дождались, встретились.

Это было самое скверное время в жизни страны. Москвичи тогда едва очухались от порохового дыма танков, бивших по Парламенту. Недоумённое и что-то затаённо-отчуждённое читалось на их лицах; редко-редко проступало самодовольство. Москва как никогда выглядела замусоренной, неприветливой, чужой.

Встреча с Виссарионом прошла на окраине, в обыкновенной двухкомнатной квартире многоэтажного дома. Когда они вошли и поздоровались, то почуяли в его больших глазах лучевое тепло доброжелательности. Он усадил их за стол, зажёл свечу, заговорил первым:

– Я знаю, что вы пришли ко мне со своими сомнениями. Даже за это вас люблю. Я дам вам Путь, а всё остальное зависит от вас. Если пойдёте по нему с умом, то упрётесь во Тьму, а если будете руководствоваться сердцем, то придёте к Свету и рассеются все ваши сомнения. Вы познаете Сущее, что составляет тайное и явное, видимое и невидимое. Мирской глаз сегодня помутнён соблазнами: пустыми речами и заманчивыми вещами... Надо уходить из лукавого мира. Надо строить новый Иерусалим по велению сердца. Я выбрал для этого место в Сибири, в районе озера Тиберкуль и горы Сухой. Каждый день к нам прибывают люди. Молятся и строятся, помогают друг другу жить. Знаю: будут уезжать обратно люди слабые духом, не выдержав испытание трудами. Я их не осуждаю. Такое случается с человеком, взвалившим на плечи ношу не по силам. Не думайте, что Путь лёгкий. Нет, нет, уверяю вас в обратном, и говорю: подумайте трижды, прежде чем сделаете окончательный выбор. Спросите себя, можете ли отказаться от прежней жизни?

А теперь расскажите о себе...

Лариса тогда ушла от проповедника восхищённой, да и Зиновий Павлович почувствовал в душе радостный прилив необъяснимых сил. Вокруг суетилась холодная многомиллионная голодная Москва, затеявшая масштабный хаос и безжалостно свергнувшая в него необъятную страну.

Они возвратились в Орёл сторонниками Виссариона. Всю зиму готовились к переезду, наконец продали свои квартиры и уехали в Красноярский край, в неизвестную им деревню Журавлёво.

Старанием Ларисы быстро купили за небольшую цену ещё крепкий деревянный дом с мышинными окнами. Зиновий Павлович перегородил его пополам, сделав два отдельных входа – для себя и для Ларисы. Чувствовалось, что она этого не хотела, но Зиновий Павлович, не испытывавший к ней мужской тяги, предпочёл спокойное одиночество. Его римский нос смотрел влево, когда она стояла справа, и наоборот. Он давно считался стойким однолюбом, а после смерти жены и вовсе стал походить на грустного лебедя, потерявшего лебёдушку. Лишь огород при доме сделался общим местом их труда, и они с удовольствием принялись возделывать его, чтобы обеспечить себя на предстоящую зиму продуктами. Лето выдалось тёплым и дождливым. До поздней осени ягоды, грибы манили их за околицей. Мёд и молоко в райцентре стоили намного дешевле, чем в Орле, а вот устроиться на работу было почти невозможно – деревни заполнились сторонниками Виссариона. Людей с разными специальностями хватало: и столяров с плотниками, и электриков со слесарями. Искали себе место компьютерщики, врачи, учителя, артисты и музыканты. Безработные виссарионовцы в основном трудились на своих земельных участках, так же как и они.

Неугомонная, вездесущая Лариса быстро перезнакомилась со всеми соседями. От неё он узнал, что Виссариона местные знают как Торопа Сергея Анатольевича. Ранее он работал участковым инспектором милиции. Получил среднее образование, женат, имеет четырёх детей. Ему 33 или 34 года. Местные относятся к нему по-разному: пожилые люди не одобряют его кипучую проповедническую деятельность, из-за которой, считают они, «всё вокруг истоптано, житья не стало». Молодые же посмеиваются: «Нам всё равно, Христос он или нет, а для житья у нас мест на всех хватит». Сторонников мессии среди местных жителей, по словам Ларисы, мало.

Зиновий Павлович одобрительно кивал:

– Всё правильно, как говорится, нет праведника в своём Отечестве. Пора нам, Лариса, в Черемшанках побывать, начинать приобщаться к общему делу...

Поехали, нашли знакомых москвичек с мужьями и детьми. Те переехали раньше них и уже начали возводить большой дом из кирпича с хозяйственными постройками и гаражом. Привезли с собой пианино, телевизор, магнитофон и книги – на целую библиотеку. Москвичи и их соседи были полны планов по созданию школы, аптеки, медпункта, независимых от местных властей. Лариса даже позавидовала, что поспешила с жильём в Журавлёве. Черемшанки являлись образцом поселения с новой коллективностью и новой религиозностью. Село считалось центром притяжения новых поселений.

Вскоре, наладив свой быт, Лариса и Зиновий Павлович стали принимать участие во всех мероприятиях Церкви Последнего Завета. Устав её мало чем стеснял верующих. Поощрялся труд на общественных полях, пастбищах и огородах, велись работы по облагораживанию территории поселений, созданию лесопарка и питомника редких растений. Подумывали о создании своего кирпичного заводика, столярного цеха и мастерских. Начали выпускаться газеты: «Путь Любви» и «Земля обетованная». Несколько раз Зиновий Павлович ездил с активистами общины в райцентр, чтобы решить вопрос по аренде земли в районе озера Тиберкуль и для получения лицензий на ведение строительных работ.

Много поселенческих сил уходило на выкорчёвывание деревьев на склоне горы Сухой, а запас общинных денег с каждым днём таял. Приходилось искать спонсоров и ожидать гуманитарной помощи. Надеялись на Виссариона. Он часто выезжал в зарубежные поездки, и кое-какая помощь оттуда приходила, но всё равно средств не хватало, даже несмотря на то что его финансово поддерживали такие известные люди в Москве, как внучка академика Карпинского – Мария Карпинская, и известный музыкант из «Ласкового мая» Вадим Редькин.

Постепенно Зиновий Павлович стал принимать участие в общих «Священных кругах». Обычно верующие, взявшись за руки, ходили вокруг зажжённой свечи, молились и пели песни. При этом царил непринуждённая доброжелательная обстановка. Женщины надевали длинные юбки и сарафаны, а мужчины облачались в хитоны. Он и у себя дома стал ставить на стол свечи от всяких тёмных энергий, а перед едой читать «Отче наш». Вечерами раздумывал над содержанием Библии, но чаще с головой уходил в романы светского содержания, тем более что поселенцы привезли с собой предостаточно книг и охотно ими делились. Так неожиданно открылся ему мир художественной литературы. Сам удивлялся: «Надо же, раньше голова занималась только электроникой, сколько же я потерял!»

Лариса близко сошлась с врачами-поселенцами, часто отсутствовала – ездила с ними по деревням, помогать лечить больных детей или же принимать роды. Кажется, она нашла применение своей кипучей энергии и не замечала, что всё больше и больше приезжие люди нищали, некоторые начали подумывать о возвращении в срединную Россию. Прав был отец Виссарион, Путь к Свету не всем под силу.

Зимнее время общинники использовала по своему усмотрению. Моления и проповеди о близкой кончине заблудшего мира не шли в противоречие с нескончаемыми бракосочетаниями, поскольку прелюбодеяния осуждались среди семейных людей, а свободные – искали друг друга. Были и те, что тянулись к творчеству. Тут и у Зиновия Павловича на полную мощь открылся актёрский дар, чему способствовала новая обстановка. Он всю зиму охотно участвовал в самодеятельном театре, в котором ставились постановки по древним трагедиям. На Шекспире, например, словно помешались, – на меньшее действие режиссёр-питерец Глоткин не соглашался. Зиновий Павлович с интересом слушал рекомендации и замечания этого профессионального мастера, отдавая всего себя общему делу. Вскоре его стали хвалить за творческий рост. Играя, даже третьестепенные роли, он добивался неповторимой яркости и запоминаемости.

– Зиновий, ты – гений! – кричал восторженный Глоткин. – Как тебе это удаётся? Ай да молодец! Погоди, я свезу тебя в Питер, мы потрясём просвещённую публику игрой! Пусть знают: мы раскованы, как лошади, отработавшие срок!

Лариса, присутствовавшая при этом, заметила:

– Ничего удивительного, это у него от предков. Господь заложил в избранный народ гены гениальности, причём в каждого его представителя. Правда, у многих эти гены закончились с возникновением Нового Завета, но не у всех. У Зиновия Павловича проявилась Божья Благодать именно здесь, на святой земле отца Виссариона. Дождёмся и мы своего часа...

Ближе к весне Глоткин тайно запил, подолгу отлёживался в постели, и театральные постановки прекратились. Как-то Зиновий Павлович зашёл его проведать и застал режиссёра в кальсонах, заправленных в валенки. На плечах мастера свешивалось до пола шерстяное одеяло, а на голой шее висел красный галстук. Глоткин что-то репетировал, держа в руке гранёный стакан. При появлении гостя переложил его в левую руку и протянул ему правую для приветствия. Видно было, что он находится в крепком подпитии. Не извиняясь за свой вид, кинулся искать второй стакан, но Зиновий Павлович наотрез отказался от угощения:

– Понимаешь, Левон (так звали Глоткина), раньше я работал на заводе, где спирта было – залейся. Тайком выносили в карманных фляжках и пили за проходной, а чаще – перед тем, как её пройти. Я в своё время выпил, считай, цистерну дармового спирта и больше не хочу – печень не позволяет.

– Твоё, брат, дело, а у меня – тоска лютая. Да разве я пью? Идёт очистка организма от гадости жизни. У меня скверны внутри – что твоя цистерна! Пью и оздоравлиюсь в рассуждениях! Так вот, я всё больше и больше убеждаюсь: жизнь наша – театр, а постановщик – Создатель. Да, да – гениальнейший! На планете под названием Земля идёт игра по неизвестному нам сценарию. Господь дал нам свободу выбора, то есть свободу делать телодвижения – не более того, а сюжетная линия вне нашего ума. Она лишь ощущается нами в виде общих грёз о воли. Но! – Глоткин поднял вверх палец для особого внимания – всюду натыкаешься на запреты...

– Живи в тайге, – отреагировал на это Зиновий Павлович. – Кто не даёт? Найдётся уголок для любого желающего, да и отец Виссарион благословит. Что, слабо?

– Не в этом дело! – Глоткин резко развернулся на 360 градусов так, что подлетело одеяло, обнажив волосатые плечи. – Нетворческие люди для меня – тайга, а таковых всё больше сюда прибывает, хотя сам отец Виссарион – человек созидательный, но чем дальше от него, тем гуще людская тайга. Им дела нет до Шекспира! Они и своей-то трагедии не замечают, не растут духом, и, заметь: ни религиозным, ни светским! Погоди, Зиновий, не возражай, я здесь, в отличие от тебя, уже три года проживаю, посмотрелся на приезжий народ. Зачем сюда приехали, если не духовно переродиться?

– Подожди, великая литература тоже игра?

– Да, друг мой, игра! Игра воображения художника! Нередко на грани шизофрении. Ты же сам чувствуешь как актёр, в какие бездны нас порой заносит! Нормальному человеку там делать нечего, но слушать тебя ему интересно – дух захватывает. Человеку кажется: бездна превращается в горные вершины. Вот и весь фокус. Без воображения пишутся газетные очерки, репортажи и прочая бытовщина, обличённая в ту или иную форму на потребу дня. Но! – Глоткин вновь поднял указательный палец: – Игра-то игра, но до определённых пределов. Ну, удивил тебя писатель текстом, развлёк-отвлёк от насущного, а дальше что? Читатель стал духовно богаче? Увы, друг мой, не стал. Ни игровой образ, ни язык художника не заставят его приблизиться к тайне божественного сценария. Создателя не устраивает земной театр абсурда, а мы этого не понимаем в своих телодвижениях. Вот почему настоящий писатель отходит со временем от понимания литературы как простой игры воображения и направляет свой дар на глубокое осознание окружающего его абсурда. Он начинает рисовать нас такими, какими ему кажемся. Здесь важно всё: подход, отстранённость пера, глаз, дыхание, стиль, манера. И всё это заключено в языке! Писатель должен тронуть человеческую душу! Подвести к зеркалу, ткнуть носом: смотри, любуйся на себя! Хорош? Сорок образов создал, и все это – ты! Сегодня литература заглядывает в виртуальный мир, уходит от одного абсурда в другой абсурд – постмодернизм, ещё более чуждый человеку.

– Отец Виссарион говорит, что без любви к человеку ничего не создаётся.

– Он прав. Всякая игра воображения возникает из чувства к ближнему. Только этот ближний удаляется от меня в свою душевную тайгу. Как тут не запьёшь?

– Роптать начинаешь? – поинтересовался Зиновий Павлович. – «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

– Ладно, устыдил! – признался Глоткин, поправляя на плечах одеяло. – Дай дочецу организм, потом покаюсь, а через недельку-другую начнём опять телодвижения. Хочешь, сейчас изображу императора Тиберия, его речь в Сенате?..

Зиновий Павлович посмотрел-посмотрел на «Тиберия» и поспешил распрощаться. Он уже начал ощущать в душе опустошённость, гнетущую тоску о чём-то несбывшемся, не находил себе места. Часто снилась жена, оставленная в Орле на Наугорском кладбище. «Куда ты делся?» – спрашивала она, одетая

в белое венчалное платье. Вспомнилось ему, как она уходила, таяла на глазах, а он в отчаянии от бессилия кричал ей: «Знай, если погрёшь, я тебя откопаю и уши надеру за такой поступок!» Она слабо улыбалась, говоря шёпотом: «Успокойся, Зиновик, успокойся, я обязательно встану, мне уже легче...»

Почему во снах она спрашивает: «Куда я делся?» – думал он. И просыпался с колотящимся сердцем в груди, долго раздумывая, как сюда попал и что приобрёл? И отвечал себе: «Ничего, ничего. Нашёл свободу и нищету, но это самое – везде – во всей России. Да, здесь проще и тише, но это обманная тишина. Расслоение на бедных и богатых и тут происходит. Взять того же отца Виссариона. Он не знает никакой нужды, живёт в полном достатке у всех на виду. Не замечает, что люди давно мыкаются, мечтают уехать, но нет денег на обратный проезд, и найти их не предвидится. Кто им поможет, когда многие сами еле сводят концы с концами? Странно, что Лариса не чувствует этого. Она, как заводная, вращается с утра до вечера среди поселенцев, и везде – своя. Начнёт рассказывать: всё у неё хорошо – глаза горят от восхищения, а в действительности – повседневность серая, мелочная. Забота и суета. Вот, у Шекспира – возвышенность! Трагедии, потрясающие небеса... А мы здесь кто? – сбежавшие от проблем жалкие души, бросившие всё на свете. Разве кучками спасаются?»

По ночам вздыхал: «Не нужно мне личного спасения, зная, что миллиарды людей могут от грехов своих погибнуть. Не будет душа ощущать счастья при таком раскладе, иначе она не должна называться душой!»

Сибирская весна заторопила Зиновия Павловича в обратную дорогу. Сцепились гены кочевые с оседлыми, и победили последние. Продал свою половину жилья, возвратился на родину. Хорошо, что при отъезде часть денег положил на сберкнижку, их едва хватило на покупку ветхой «хрущёвки» на окраине города. Успел-таки перед дефолтом зацепиться. Даже не ворчал, что «сибирская эпопея» стоила ему большой двухкомнатной квартиры в центре города. Он был рад площадям и улицам, знакомым с детства, даже хмурым лицам озабоченных горожан. Всё вокруг дышало родным, несмотря на продолжающуюся эгоизацию жизни. Он и вегетарианцем сделался от нужды. Иногда украдкой заглядывал в мусорные баки в поисках куска хлеба, но чаще собирал пустые бутылки, чтобы хоть как-то утолить чувство голода при полном безденежье, считая дни до получения жалкой пенсии. Таких трудных времён ему не приходилось испытывать даже в Журавлёво, где всё же была какая-никакая взаимовыручка, да и Лариса не оставляла его без поддержки.

Как же она глядела на него, когда сообщил ей о возвращении! Как на отступника, как на предателя веры. И без того рыжая, она превратилась в горящее медное солнце возмущения. Словно не Лариса смотрела на него, а нечто гневное, вневременное и бесполое. Правда, потом отошла, смягчилась, помогла подготовиться к отъезду, напоследок откровенно вздохнула:

– Эх, Палыч, Палыч! – сдвинулся ты мозгами на репетициях у Глоткина, увлёк он тебя в бесовские игрища. Ты хоть в Орле не бери в голову лишнего, не переигрывай себя. Жаль, что уезжаешь, я так на тебя надеялась!..

Зиновий Павлович не ощущал, сдвинулись или не сдвинулись у него мозги, но некоторые странности за собой подмечал, относя их к возрастным. Иногда, шагая по улице, внутренне спорил с руководителем страны, сам не замечая, как при этом останавливался, громко возмущаясь:

– Шёл бы ты к чертям, бревно толсторожее! Обещал народу одно – делаешь другое...

Случайные прохожие сразу догадывались, о ком идёт речь, охотно соглашались с его посылными восклицаниями, делились накипевшей болью:

– Верно говоришь, этот жулик обобрал нас до нитки, и теперь все перевёртыши называют себя господами. Откуда взялись? Сталина на них нет!..

Хоть импровизированный митинг открывай, но Зиновий Павлович смущался этими случайно вырвавшимися словами и, не желая ожесточать людские сердца, шёл дальше по своим делам: обходил подъезды домов, подбирая бутылки и художественную литературу. К этому времени пошла дурная мода – выставлять книги около мусорных контейнеров, причём стопками и в хорошем состоянии, словно говоря этим: «Нам они теперь ни к чему». Некоторые жильцы выбрасывали старые телевизоры, холодильники, мебель... Зиновий Павлович, подбирая книги, за короткий срок создал приличную домашнюю библиотеку. Прибавились дела важнее: после того как осквернители могил прошлись по Наугорскому кладбищу и, в числе других надгробий, завалили набок надгробие его жены, нужны были цемент, песок, транспорт. Главное – нужны были деньги.

Неожиданно из главного затруднения нашёлся выход.

Как-то у подъезда своего дома встретила Скоролётка – бойкая сухенькая старушонка из соседнего подъезда. Она знала всех жильцов в округе. Не баба, а сорока-трещётка. Не захочешь – разговорит. Мимо не пройдёшь – обязательно зацепит вопросом. Вот и сейчас, подлетела, затараторила:

– Миленький, голубчик, Зиновий Палыч, будь ласков, зайти ко мне, телевизир спортился – тоска без него. Стукну по ему – картинка идёт, а звук не даёт проклятый, руки оббила, сколько можно?

– Мастера вызывай! – посоветовал он.

– Милый, какие мастера? Откуда? Кончились они! Пошла в ателье, у меня спрашивают: «Какая марка?» Отвечаю: чёрно-белый «Рекорд», вот – паспорт на него сохранила. Смеются окаянные: «Выкинь его на свалку, мы такие не ремонтируем, купи себе, бабка, японскую “Соню”, только такие обслуживаем!»

– Правильно тебе объяснили! – буркнул Зиновий Павлович. – Я что, мастер?

– Э-э-э, не беднись, инженер всё же заводской, приборы собирал, похлеще телевизира, а тут делов-то – на пять минут. Чего тебе стоит поковыряться, может, проводок какой отскочил, бес его знает. Я ж говорю: стукну по ему – картинка идёт, но молчит, паразит, как глухонемой.

– У меня ничего нет: ни паяльника, ни отвёрток, ни запчастей. Я давно этим не занимаюсь, отошёл от техники, понимаешь?

– Голубчик мой, да я всё понимаю, но ты уважь бабку вниманием, а не выйдет, мучиться, чтоль? В любом случае труд оплачу. Как без этого? Пойдём, живу одна. Мне помочь некому, зятя ноги не кажут, дочка бессердечная, забыла мать... Отвёртки, запчасти мы найдём где-нибудь, мир не без добрых людей...

Так, сыпя словами, Скоролётка юркой галкой склевала упирающегося Зиновия Павловича. Оглянуться не успел – усадила перед телевизором, только и смог заметить на кухне самогонный аппарат, прикрытый от посторонних глаз простынёю, да уловить стойкий бродильный запах. Сразу мелькнула мысль: «Привыкла к бражному чаду, думает, если форточку открыла – свежий ветер его выветрит. Ну и ну! Сама, словно ведьма с помелом, во дворе гоняет с лавочек пьяниц и их же спаивает!»

Пока Скоролётка ходила к соседям за отвёрткой, он заглянул под стол и обнаружил там двухведёрную флягу с брагой. Недолго думая, нашёл на кухонной полке пачку соли. Взял, да и всыпал во флягу полпачки. По опыту знал, процесс брожения должен прекратиться.

По-мальчишески весело шмыгнул носом и стал дожидаться прихода хозяйки.

Отчего звук пропал в телике, понял сразу после первых её слов ещё у подъезда. Теперь, для вида, повозился полчаса с отвёрткой, потом, устранив неполадок, поинтересовался:

– Егоровна, у тебя кошка сидит на телевизоре?

– Сидит, это же её любимое место, когда я смотрю сериалы.

– Вот что, сгоняй её. Она хвостом разомкнула цепь и звук исчез!

– Зацепила, поди, хвостом-то?

– Совсем не то. На хвосте у неё отрицательный заряд. Стекает вниз и – бзык – замыкание!

– Ох, ох! – захохала Скоролётка. – Да кабы я знала, что отрицательный!.. Она ж ко мне так и ластится, так и ластится, а я её сдуру глажу.

– Гладь по спине, а хвоста опасайся!

Чушь, конечно, но Зиновий Павлович не удержался от соблазна хоть этим подурочить соседку за свой нежелательный привод.

С этой поры зачастили к нему жители ближайших домов с подобными просьбами, по-видимому, Скоролётка постаралась. Кому отказал, а кому и помог с ремонтом принесённой аппаратуры, потому как слёзно просили «Христа ради» – отказать невозможно. Постепенно втянулся в работу по выполнению заказов. Пошли дни трудовые. Невольно образовалось неофициальное малое предприятие. Деньги появились, правда, небольшие, но помогли восстановить надгробие жены. Любимое занятие – чтение книг пришлось отложить до лучших времён, а тут как раз кто-то из соседей, которым надоели ошибочные звонки, крупно вывел краской на бетонной стене дома: «РЕМОНТ АППАРАТУРЫ, 3 ЭТАЖ, 13 КВ». У другого мастера после такой рекламы дела бы пошли в гору. У Зиновия Павловича наоборот – с горы. Не прошло и полгода, как явился к нему участковый, пузатый старлей Жихарев. Впустил, думая, что и ему потребовалось что-то отремонтировать, но участковый повёл речь совсем о другом:

– Гражданин мастер, я понимаю, что сейчас трудные времена и каждый человек, так сказать, ради куска хлеба выживает, – начал он втолковывать ему, – но, насколько я знаю, вы нигде не оформляли право на оказание населению бытовых услуг по ремонту. Так ведь?

– Так! – согласился Зиновий Павлович. – И что из этого выходит? Я должен людям отказывать в помощи?

– Послушайте, – вспыхнул Жихарев, надвигаясь на него животом, – у меня дел невпроворот, времени нет на пустые разговоры. Умный же вы человек, должны понимать, что можно, а чего – нельзя. Нельзя о своих незаконных услугах писать на стене дома! Нельзя работать как вздумается. Короче, рекламу закрасить, а самому – оформить документы на предпринимательство в установленном порядке. Всё! Считайте, что я вас предупредил, и даже протокол о нарушении не составил, понимая незлостность обстоятельства на моём участке.

Ушёл быстрее, чем появился, а Зиновий Павлович, почёсывая затылок, стал раздумывать над сказанным: «стена дома», «реклама»... Что бы это значило? Вышел во двор, огляделся. Бросилась в глаза крупная надпись на стене. Вспыхнул гневный, недоумённый вопрос: «Кто подложил свинью?» Потом решил: «Скоролётка! Баба языкастая, ну, погоди!»

Ночью подошёл к её подъезду дома и высоко вывел броскую надпись куском мела: «САМОГОН, КРУГЛОСУТОЧНО, КВ. 70». Пошёл, удовлетворённо потирая руки.

Через несколько дней Скоролётка, не сумев выгнать из прокисшей браги самогонку, заняла на кухне привычное место у окна. Она сидела грустная, переживая фляжный убыток. Но и с прибытком она могла, как добровольный страж, часами наблюдать за каждым движением во дворе. Случалось, пулей вылетала во двор, заметив какой-либо беспорядок. В полдень в сектор её обзора попался «Москвич» её этажного соседа – Яшки Егорушкина, торгующего на вещевом рынке рыболовными принадлежностями. Он заехал двумя колёсами на чахлую газонную травку. Скоролётка – тут как тут! – выскочила, заполохала гневом:

– А ну, отгоняй свою вонючку, ставь на привычное место! Чего глазами семафорить? От ваших машин уже дышать нечем, ребятишкам негде поиграть!..

– Марь Андреевна, ты кто, ГАИ? – ехидно поинтересовался молодой шустряк Егорушкин, играя глазами. Они у него разноцветные: один – карий, другой – изумрудный.

Скоролётка разъярилась ещё сильнее:

– Лезь в машину, не рассуждай, отъезжай, ты меня знаешь!..

Знает, потому и бросает напоследок: «Иди ты!..» – однако опасаясь сказать, куда именно. Не хочет связываться со злой соседкой. Егорушкин послушно ставит «Москвича» на привычное место у мусорного контейнера в конце двора. «Чёртова Скоролётка, – ворчит он, – у меня задняя передача заедает, как теперь назад буду сдавать? Надо же, подлетела!»

Поставив автомобиль и проходя мимо Скоролётки, посоветовал в сердцах:

– Вышивкой занялась бы, как другие пенсионерки, чем паяться из окна!

– Нашёл вышивальщицу! С моими-то глазами? Мне надо полдня целиться ниткой в иголку...

– Понятно с глазами! – бросает Егор. – Тогда я прочитаю тебе, что над дверями написано: «Самогон, круглосуточно, квартира 70». Раньше никак не мог понять, откуда бражный запах. Теперь – знаю!

И захлопнул дверь подъезда, ухмыляясь, оставив во дворе остолбеневшую соседку. Не скоро пришла в себя Скоролётка. Потом всё же подошла, вглядываясь в меловые буквы. «Это что же, подкуп? – недоумевает она. – Кому дорогу перешла? Вроде бы никому. Правда, рано утром прибежал с просьбой дать в долг бутылку алкаш Колька по прозвищу Конь. Трясся, умолял, но получил отказ. Забыл правило: без денег – нет опохмела. Стоит один раз дать в долг, покоя не дадут: “Дай, дай, дай!” Конь тогда обматерил её и ушёл. Неужто его работа? Нет, эта трясухая сопля так высоко не дотянется. Разве что Валентин из барака? Он – жердёвый, руки до плеч исколоты рисунками: русалками, змеями, кинжалами. Но Валентин, говорят, бросил пить, за ум взялся – рубшиком туш устроился на базаре. Зачем ему мелом баловаться. Тогда кто?»

Гадала она, гадала, ни к чему не пришла. Принесла табуретку, полезла надпись смахивать тряпкой. Потянулась на цыпочках – высоко написано, не достать. Тянулась, тянулась и загремела с табуретки на цементную площадку. Лежит, охает, слезами заливается, силится подняться, да не может – ногу подвинула. Егорушкин услышал, помог ей подняться да ещё надпись стёр по её просьбе.

На другой день увидел Зиновий Павлович с палкой хромающую Скоролётку, поинтересовался причиной недуга. Та и рассказала о падении с табуретки, не вдаваясь в подробности. Не этого он ждал от неё, сурово заметил:

– Искать надо причину в себе, а не в табуретке. И потом, все мы – грешники... Кстати, знаешь ли, что такое грех?

– Чего проще, это когда против Бога идём!

– Так-то оно так, да не совсем. Против Бога, Мария Андреевна, идти бесполезно. Ему навредить никто ничем не может. Грех – это рана, которую человек наносит себе сам, когда нарушает Божьи заповеди. Господь их установил для пользы самого же человека. Исполни их и будешь нормальным, а выйдешь за пределы – тебе же хуже, сам себя ранишь. Например, ты захромала, а это сигнал о том, что в твоей жизни произошло какое-то отклонение от нормы. Ищи причину в себе, а на табуретку не ссылайся!

– Зиновий Павлович, ты, часом, не от гостей идёшь? Что-то я не пойму тебя, словно ты с Луны свалился, мил человек! Мы ж на Земле живём. Здесь шагу ступить без греха нельзя, ноги протянуть можно безгрешному... Не ожидала от тебя такой укоризны. Иль думаешь, что я тёмная, неучёная, церковь не понимаю? Сам-то ты как насчёт греха, святой ли? Извини, конечно...

– Не поняла ты меня, это правда. Я, может, в сто раз грешнее тебя, но всегда ищу причину греха в себе, чтобы покаяться и не повторять его. Чуешь разницу? Ищу в себе, а не в других. Так оно как-то лучше. Иногда забываю, перекалдываю вину на окружающих, например на тебя, но спохватываюсь и копаюсь в себе. И потом, мы с тобой почти ровесники, много чего повидали на белом свете и можем говорить друг другу нечто для взаимной пользы. Не согласна?

– С этой стороны согласие имею, – важно заметила Скоролётка – но убытки слишком большие, чтобы польза их возместила. Не знаешь порой где взять доходов. За всё приходится платить. Мы к этому не приучены, раньше жили в достатке. Какого рожна нам не хватало? Только теперь стала понимать, чего лишились простые люди. Забили нам голову свободой, а её как не было тогда, так и нет теперь. Ждали, что будет жизнь более справедливая, а вышло что? Раньше хотя бы про труд говорили, а нынешняя власть – молчит или сплошь брешет. Вспомни, перво-наперво рай для себя начала строить. Нет бы с заботы о детях начать – куда там, им собственные коттеджи важнее. Как же я, мил человек, в себе должна копать, грехи свои выискивать, когда богатеи только и ждут, чтобы им не мешали. Кто ж их усовестит?

Зиновий Павлович пожал плечами:

– Бессовестных разве усовестишь? Это Господу под силу, а нам мучение дано для размышления, мы должны искать сообща пути праведные. С тобой, я и то понимания не нахожу, а как найти его с властями? Время тратится...

– Нету у нас с тобой времечка, мил человек, – было и вышло. Молодых теперь отучили думать, они пиву сосут, дымят, сквернословят, безобразничают от безделья. На них-то какая надежда? Не скоро созреют, да и не увидим плодов. Я, видишь, ковыляю пока, а дальше на какие шиши жить? Дочка с зятем ноги не кажут – некогда им. Одна да одна...

Зиновий Павлович хотел было ей о вреде самогоноварения наставление сделать, но передумал, чувствуя свою причастность к её хромоте. Чёрт его надоумил взяться за мел, да о грехе толковать... Теперь он испытывал к Скоролётке искреннюю жалость. Поехал в магазин купить ей костыль.

* * *

В это время Лариса приехала в Орёл. Ей предстояла поездка в столицу, а потом – в Европу, по делам отца Виссариона. Захотелось в родном городе знакомых повидать, главным образом Зиновия Павловича, но никак не могла разузнать его новый адрес. Бывшие коллеги по работе и знакомые не могли ей в этом помочь – не знали, где он проживает, лишь успели выложить кучу городских новостей, не имеющих к Соловьёву никакого отношения, а в городском адресном бюро он всё ещё значился выписанным. Полтора года прошло – ни одного письма от него, жив ли, нет ли? Она уже подумывала, не поехать ли на вокзал, как вдруг на площадке перед магазином на Приборостроительной улице увидела драку и из любопытства решила подойти ближе.

Тут надо сделать пояснение, поскольку участником драки невольно стал Зиновий Павлович с костылём в руках. Купленный им костыль, как мы знаем, предназначался в качестве третьей опоры

для Скоролётки. С этим костылём он мимоходом заметил очередь, образовавшуюся за дешёвыми мясными рёбрышками, привезёнными к магазину на автомашине. С неё шла бойкая торговля. Говяжьё косточки охотно брал пожилой народ, в основном женский. Зиновий Павлович, стоя в очереди, обратил внимание на двух парней нахального вида, шныряющих туда-сюда, выясняя, за кем они ранее стояли. При этом теснили покупателей, заглядывая в лица. Зиновий Павлович не выдержал:

– Молодые люди, вас здесь не было. Вы сошли с троллейбуса и сразу же пошли в пивной ларёк.

Я видел, как подъехала машина, как образовалась очередь, подошёл, а потом из пивной вышли вы!

– Тебя не спрашивают, – рыкнул один из них, – стой и молчи, без тебя разберёмся!..

Грубо сказал, но Зиновий Павлович промолчал, может, и впрямь обидел своим замечанием. Спешить ему некуда, рёбрышек на всех хватит, но тут он заметил, как рука второго парня юркнула в карман пиджака пожилой женщины в брюках. Он тут же ловко зажал руку карманника с возгласом:

– Ах ты, гад!.. Вот, значит, чем занимаешься? Зовите люди милицию, вора держу!..

Обернулась очередь, распалась, заохала женщина в брюках, чуть не ставшая добычей карманника, посыпались гневные крики остальных:

– Выпустили вору из тюрьмы на наши головы! Мерзавцы! Нашли кого грабить среди белого дня!

Как вас земля терпит?! Мужчина, держите его крепче, мы сейчас в милицию позвоним!..

Приятель карманника сразу же бросился на Зиновия Павловича с кулаками, но мгновенно получив от него костылём по голове и отскочив, вновь ринулся в атаку. От пивной уже торопились на помощь карманникам их собутыльники – ещё двое зрелых мужиков. Зиновий Павлович понял, что вора ему не удержать, отпустил руку карманника, приготовился к бою – один против четырёх. Тут же завязалась яростная схватка... Но не так просто нанести урон Зиновию Павловичу с его-то богатырским ростом да ещё с костылём в руке. У него в голове даже мысль сверкнула: «Крепкие делают костыли отечественные фирмы! Куда как прочнее иностранных...» Словно знал те и другие...

Ничего не смогли поделать с пенсионером – так разошёлся Зиновий Павлович, что разогнал их по подворотням. Вот такого его – разгорячённого, разгневанного приняла в свои объятия случайно оказавшаяся здесь Лариса.

Смущённый, он неловко отстранился от неё, думая, что это потерпевшая женщина в брюках, но, взглянув, признал – Лариса. Опять щёлкнуло что-то в его голове, забормотал, сделав недоумённое лицо:

– Извините, гражданка, вы ошиблись, я не ваш родственник!..

– Зиновий!.. Что за шутки? И это ты говоришь мне? Здравствуй! Куда же ты уходишь?..

– Здравствуйте! – автоматически произнёс Зиновий Павлович. – Вы меня простите, – это он Ларисе-то, – но я стою за рёбрышками...

И направился к женской толпе, почтительно расступившейся перед ним. Послышались искренние голоса: «Хоть один настоящий мужчина нашёлся!», «Молодец, дал им!», «Пусть берёт без очереди!», «Подходите, подходите...»

Женщина в брюках, чуть не ставшая жертвой карманника, всё ходила рядом и повторяла: «Дайте, я за него заплачу! Дайте заплачу...»

Зиновий Павлович ничего не мог поделать, его буквально подвели за руки к белому столику с весами и вручили, не взвешивая, самых лучших мясных косточек – целый пакет – и дружно выпроводили из очереди, чтобы не дать возможности оплатить покупку.

Лариса всё ещё приходила в себя, стоя поодаль, наблюдая и не понимая происходящего...

Он прошёл мимо неё с гордо поднятой головой, даже не взглянув, держа под мышкой костыль, а в другой руке – пакет. Она, после раздумий, понуро поплелась за ним до троллейбусной остановки. Вдруг он резко повернулся, радостно воскликнув:

– Ба-а-а! Кого я вижу? Лариса Сергеевна, вы ли это? Каким ветром занесло к нам? Здравствуй, рад тебя видеть!..

Она бросилась к нему, всхлипывая:

– Не ожидала от тебя бессердечности... Артист паршивый!.. Куда ты пропал?..

И прижалась рыжими кудрями к его плечу:

– Я тебя ищу, ищу, а ты дурачишься...

– Успокойся, Лора, успокойся! – утешал её Зиновий Павлович. – Так уж и паршивый, Глоткин был бы другого мнения!

И свободной рукой обнял её за талию.